

Евгений ДЕМЕНОК

Много, много цветов

— Жень, привет! Приедешь ко мне на выставку?

Её звонок застал меня в большом магазине строительных товаров. Было шумно и плохо слышно.

— Наташа, я очень постараюсь! Где и когда выставка?

— Второго мая в Художественном музее! Второе мая было через три дня.

В принципе, удобно. Первого гуляем, второго — на выставку.

— Буду! В котором часу?

— В двенадцать. Тогда жду тебя на открытии. Второго мая, Художественный музей в Измаиле.

Мне показалось, что я не расслышал.

— Где?

— В Измаиле! Там отличный музей. Ты ещё не был?

— Нет! — отвечаю ошарашенно.

— Ну вот, заодно и посмотришь. До встречи! Она положила трубку.

Так, лампочки. Мне нужно купить лампочки. Чертовски быстро перегорает это точечное освещение. Как назло, на двенадцать ватт есть только китайские.

Я ходил по магазину и думал.

Ну а что? Измаил — это даже интересно. Давно там не был. Вот и путешествие на майские.

Наташины работы мне нравились. Многие из них были отражением её самой — такой разной и органичной. Она была светлой, жизнерадостной и казалась такой земной, и в то же время живописно занимала все её помыслы.

Год назад она делала выставку в моей маленькой кофейне. Мы открывали тогда выставки каждый месяц и всё время находились в поиске хороших художников, которые согласились бы выставиться не в галерее, а в кафе.

Мода на арт-кафе была в самом разгаре, поэтому соглашались многие.

Она пыталась работать в своей собственной манере. В своём стиле. Наверное, его можно было бы назвать импрессионизмом. Хороший автор передает картину свою энергетику, а она, в свою очередь, передаётся зрителю. Наташины работы дарили радость.

Хотя основной расчет был на то, что работы с выставок будут покупать посетители кафе, я не удержался и сам купил одну. Крымский пейзаж с соснами и кипарисами. Ранняя весна. Разные оттенки зелёного пленили меня.

С тех пор мы не виделись. Я много раз обещал заехать к ней домой и посмотреть новые работы, но находились более важные и срочные дела. И вдруг — этот звонок.

Второго мая было солнечно и тепло. Мы с женой и дочкой предвкушали удовольствие от путешествия. Я много раз ездил в Измаил и любил эту дорогу. Люблю Бессарабию.

Майские праздники у нас — генеральная репетиция перед летом. В эти дни почти всегда можно купаться; тепло, но жары ещё нет. Травка зеленеет, солнышко блестит. Машина летит на юг, к Дунаю.

Залитые солнцем поля и пустоши мелькали за окном. Дорога на юг однообразна. Радость доставляют только села и остановки в придорожных кафе. Дубовые листья, вырезанные из камня на створках ворот в Заре. Железнодорожная насыпь и домик смотрителя на переезде прямо перед Измаилом. Главная аттракция — пересечение границы в Паланке; документом является клочок бумаги, на кото-

ром пограничник пишет количество пассажиров в машине.

Долетели за три часа. В музее оказалось неожиданно много людей. Приехали одесситы, и пришли почти все местные художники. Все они знали Наташу. Она сияла.

Рядом с Наташей у входа нас встретила стройная, даже худощавая женщина, чьи чёрные волосы гармонировали с чёрным костюмом и белой блузкой. Она казалась строгой.

— Это Эмилия Николаевна, директор музея, — представила Наташа.

Они были, как Инь и Ян: яркая, жизнерадостная светловолосая Наташа и сдержанная, строгая темноволосая Эмилия Николаевна.

— Вы бывали в нашем музее? — неожиданно дружелюбно спросила директор.

— Нет, к сожалению.

— Замечательно!

— Почему? — удивлённо спросили мы.

— Потому что вы в первый раз сможете насладиться нашими работами. Пойдёмте, я вас проведу.

Музей оказался небольшим, но наслаждаться было чем. Глущенко, Шишко, Яблонская, Захаров, Коцка. Из наших — Ломыкин, Островский, Белик. Неожиданный портрет Воронцова работы Люсьена Дульфана. Рядом с ним — интересная работа. "Калейдоскоп памяти". Какой-то М. Тарпан.

Через пятнадцать минут всех пригласили на открытие выставки. Большой зал был полон, толкаться не хотелось, и мы вернулись к "Калейдоскопу памяти" и Глущенко.

— Жень, почему вы тут? — услышал я вдруг голос Наташи. Она пришла за нами.

— Ждём, когда твои фаны освободят место для полноценного любования.

— Пойдем. Все уже на фуршете. Я хочу, чтобы ты показал мне работы, которые тебе нравятся.

— Конечно. Идём.

Зал действительно пуст. Если театр начинается с вешалки, то любая приличная выставка заканчивается фуршетом.

Я медленно хожу вдоль работ. Прекрасные пейзажи — деревья в весеннем лесу, город, море. Отличный автопортрет — в мастерской, за работой, сделанный с уклоном в экспрессионизм... Сложно что-либо выбрать — нравится почти все.

— Скажи, талант — это труд или все же подарок? — спрашиваю я Наташу.

— Мне кажется, это подарок, который нужно отработать.

Я думаю над ответом и продолжаю смотреть работы.

— Эта, эта и, пожалуй, вот эта, — показываю я, наконец.

Нашу беседу прерывает вошедший в зал крепкий мужчина лет пятидесяти:

— Вы неправильно выбираете. Хотите, я научу вас, как определять безошибочно самые лучшие работы?

Мы с Наташей переглядываемся:

— Хотим.

— Я делаю вот так. Захожу в центр зала, не поднимая головы. Потом резко поднимаю ее и быстро оглядываю все работы. Те из них, которые сразу привлекли моё внимание — без всяких раздумий, и есть самые лучшие. Проверено. Вот они.

И показывает совсем не те работы, что понравились мне.

— Как вам наш музей? Вы у нас впервые? — спрашивает он.

— Впервые. В любом музее я всегда отмечая те вещи, которые хотел бы забрать домой.

— Какие же отметили у нас?

— Глущенко, Дульфана и "Калейдоскоп памяти" неизвестного мне художника Тарпана.

— Отличный выбор. Я считаю, что "Калейдоскоп памяти" — гениальная работа.

Я польщён. Наши вкусы совпали.

— Вы знаете автора? — спрашиваю я. — Откуда он?

— Знаю очень хорошо. Он из Измаила. Это я. Мы переглядываемся, улыбаясь.

Он заводит с Наташей разговор о её творчестве, но нас уже зовут в главный зал. Туда в большом казане привезли плов.

Соперничать с художниками оказалось непросто. Плова нам досталось совсем немного.

— Давайте поедим к реке, — предложила Эмилия Николаевна.

Никто не возражал.

Дунай разлился той весной выше обычного, пляжи и низины были затоплены. Мы топтались у воды, посмотрели на румынский берег и решили ехать домой.

— Жень, заедешь ко мне посмотреть новые работы?

— Конечно. Сразу после праздников.

Вывернулся я только через месяц.

Всегда находятся более важные и срочные дела.

В Одессе уже властвовало лето. К обеду главным желанием становилось спрятаться куда-то в тень. Я с удовольствием вошёл в прохладу Наташиной квартиры. Молдаванка, полуподвал старого дома. В трёх комнатах жила вся семья — муж, сын, дочь; в одной из комнат Наташа работала.

— Проходи сразу в мастерскую, — сказала она. — Садись вот в это кресло и смотри.

— У меня всего полчаса. Встречи по работе. Много.

— Мы успеем.

Она начала доставать и показывать мне свои работы. Сначала масло. Какие-то из них я видел раньше, какие-то — впервые. Десять, пятнадцать, двадцать... Много портретов — муж, сын, дочь, подруги.

— Теперь я покажу тебе графику.

Наташа вышла в соседнюю комнату и вернулась с большой пачкой листов.

Её глаза горели.

Мы начали рассматривать их вместе. Большие листы — акварель, смешанная техника, иногда гуашь, пастель. Пейзажи, море, портреты, жанровые сценки. И цветы. Много, много цветов.

— Мне нравится почти всё, — сказал я.

— Правда? — обрадовалась Наташа. — Я принесу ещё.

И принесла ещё одну стопку.

— Сколько их у тебя? — поразился я.

— Много. Смотри.

Полчаса пролетели незаметно. Я перенес встречи.

— Пойдём в соседнюю комнату, — сказала Наташа. — Там тоже есть работы.

В соседней комнате за столом сидела дочка. Она рисовала.

— Злата, — сказала она мне.

— Жень, — ответил я. — Сколько тебе лет?

— Семь, — улыбнулась она.

— Так, присаживайся на диван, — сказала Наташа и достала со шкафа ещё одну стопку работ. Отличных работ.

— В начале года я решила для себя делать

по работе каждый день. Не пропускать ни дня. Так, чтобы к концу года у меня было триста шестьдесят пять работ. И сделать большую выставку в Художественном музее.

— Потрясающе, — сказал я.

— Я дала себе слово и держу его. Иногда пишу по две работы в день. И уже думаю о выставке. Я хочу всё красиво оформить. Нужны будут деньги на рамы. Представляешь — триста шестьдесят пять работ? Хочу пригласить всех друзей и знакомых. Всех художников города.

Она говорила со страстью.

— Кто ты по гороскопу? — спросил я.

— Скорпион, — ответила она.

— Тогда всё понятно.

Я улыбнулся.

— Тебе что-то понравилось?

— Да. Сейчас выберу.

— Давай ты выберешь потом. А сейчас пойдём на кухню.

На кухне я познакомился с Наташиными мужем и сыном. Мы пили компот и говорили о будущей выставке.

— Выставить триста работ — это очень смело, — сказал я. — Никогда не видел таких больших персональных выставок. И никогда не видел художников, пишущих по две работы в день.

— Мы с мужем долго жили на севере, за Полярным кругом — у него была работа. Я там ничего не писала. Не было возможности. Когда вернулись в Одессу — начала работать запоем. У нас совсем другое настроение. Юг. Я все же южный человек. Родилась в Туркменинии, выросла в Крыму.

Мой мобильник разрывался.

— Давай я отберу работ десять — пятнадцать, приеду на днях и выберу окончательно пять. И сразу заплачу. Идет?

Мы вновь вернулись в мастерскую. Я выбирал долго — хотелось купить почти все. Мы отложили двадцать работ.

— Только обещай, что дашь мне их на выставку, — сказала Наташа.

— Конечно, дам! Ты же знаешь — я ничего не продаю. Собираю для себя. Я даже оставил их у тебя и заберу потом, после выставки.

Мой телефон зазвонил опять.

— Прости, это опять с работы. Надо бежать... Я заскочу к тебе на днях. Куплю как минимум пять. А может, и все двадцать.

— Жду тебя!

Я поцеловал Наташу в щеку и выскочил за дверь.

После прохлады и приглушённого света Наташиной квартиры двор показался ярким и жарким — словно в окружающую картинку добавили яркости и подкрутили температуру.

В ближайшие дни я так и не заехал. Всегда находятся более важные и срочные дела. Откладывал еще и еще.

Через два месяца Наташи не стало.

Рак.

Конечно, она знала.

Ничто в ее поведении не говорило об этом. Она наслаждалась работой, жаркими летними днями, жизнью.

Еще через месяц в небольшом арт-кафе открылась прощальная выставка. Несмотря на будний день, на нее пришло множество людей.

На выставке было немногим больше двадцати Наташиных работ.

В основном цветы. Много, много цветов. Мы должны были подарить их ей. Вышло так, что она подарила их нам.

Нужно ли кому-нибудь то, что мы делаем?

Так сколько лет Одессе?

СПРАВКА ОБ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ — ПРЕДШЕСТВЕННИКАХ ОДЕССЫ

Первым известным крупным памятником на территории нынешней Одессы является поселение в пос. Усатово, которое относится к позднему периоду трипольской культуры и датируется второй половиной — концом III тыс. до н. э.

Следующим по хронологии известным памятником, факти-

Фото Олега Владимировского.

чески древним протогородом (полисом), является поселение и могильник античного времени (VII — III вв. до н. э.) на Приморском бульваре, которое может быть идентифицировано как древний Борисфен, или "торжище Борисфенитов". Известная дата его основания по письменным источникам — 647/646 г. до н. э., приведенная в "Церковной истории" Евсевия Кесарийского. Этот город в V в. до н. э. посетил "отец истории" Геродот.

Пока не получившим широкого освещения в научной литературе, но выдающимся памятником является античное святилище V — III вв. до н. э. на Жеваховой горе, которое можно интерпретировать как Одесос. Уникальность Жеваховой горы — в обнаруженном там "омфалосе", культовый объект, рассматривавшемся древними греками как "Пуп Земли".

Следующим по хронологии известным памятником является городище греко-римского времени Гавань Истриан, располагавшееся на Приморском бульваре в первых веках н. э. и упомянутое под 132 г. н. э. Флавием Арианом.

Существование всех перечисленных памятников уверенно подтверждается археологически наличием сопутствующих культурных слоев. Если предполагать существование посе-

лений на основании случайных или разовых находок, то возможно говорить о существовании здесь населения в готское, византийское, ногайское, генуэзское и молдавское времена.

Существование поселения-порта Хаджибей (Качибей, Коцобиев?) археологически никак и ничем не подтверждается. Дата его первого упоминания: 1415 год — как показывают современные исследования одесских историков, является политически ангажированной в свое время польскими историками для обоснования исторических польско-литовских притязаний на причерноморские земли.

Замок и поселение Хаджибей достоверно известны с 1765 года. Их существование обильно документировано и подтверждено археологически.

Доктор исторических наук,
профессор,
академик АН Высшей школы Украины,
зав. кафедрой истории Украины
Южноукраинского национального
педагогического университета
им. К.Д. Ушинского
А.О. Добролюбский.